

Ныне при слове "Алиса" человек, лишь слегка знакомый с нашей рок-музыкой, вспомнит яркий росчерк с двумя звездами, ликующий рефрен "Мы вместе!", может, еще какие-то детали. А во времена моды на рок в адрес лидера знаменитой группы не жалели эпитетов — "самая сокрушительная сила", "красивый демон", "молния"... Что говорили противники — незачем цитировать, но тоже на эпитеты не скупились. Константин КИНЧЕВ, вспоминая события восьмилетней давности, отзывается о своих преследователях без всякого интереса: "Они были мне никем — так и остались".

— Как вы оцениваете нынешнее поколение рокеров, тех, кто пришел недавно?

— Я слушаю эту "металлическую" молодежь, экстремальную музыку... "I.F.K.", например, очень хороший коллектив, еще "Chicotilo bulls". Такие жуткие названия! Но играют пацаны очень хорошо.

— А, например, альтернативщики, которые вокруг Скиара группируются?

— Я про них и говорю. Музыканты очень сильные. Я от молодых просто утوراю! Мы играем хуже, мы люди пожилые...

— А тексты у них как?

— Я в их текстах ничего не понимаю, потому что они поют то ли на английском, то ли на птичьем языке — сложно оценивать.

— Разве текст потерял ту значимость, которая была лет десять назад?

— Вы знаете, поэзия — штука тонкая, не каждому дано. Я не знаю, что у этих коллективов дальше будет, сейчас все на голой энергии идет. Но зато очень хорошо. Будут взрослеть, будут осознавать, что они русские, — посмотрим.

— А кого вы слушаете, кроме молодых?

— Старых... Диму Ревякина и, как ни странно, Цоя.

— Что же в этом, собственно, странного?

— Прошло всего шесть лет, а по музыке это безнадежный анахронизм. Но по слову, по приколу, по мотивчику я очень люблю Цоя. Поэтому есть мечта — это, конечно, очень серьезная работа — записать целый альбом его песен. Основные хиты я, естественно, брать не буду. Я бы взял вещи, которые прошли не слишком замеченными, но они мне по сердцу. Например, "Мама, мы все тяжело больны", "Солнечные дни" я бы с удовольствием спел...

— Среди нынешних книжных поэтов я не знаю никого, равного по мастерству "золотой гвардии" рокеров...

— А я тех, кто книжки пишет, вообще не знаю, потому что не читаю современную поэзию, к сожалению.

— Да и читать почти нечего.

— Разве? А вот прозаики есть. Ни Довлатова, ни Шукшина уже нет в живых, но они есть, вот они, реальные, в книгах! Читаю их с удовольствием — легко, хорошо! И Виктория Токарева такая же. Это как раз то, что мне в литературе нравится.

— А из классики?

— Гоголь, конечно. Я сейчас дошел до "Выбраних мест...", начал понимать всю мощь... Что вы! Это такая сила! Все считали, что он сошел с ума, вычеркивали из литературы, Белинский в пух и прах разнес его. Глупый человек!.. А Гоголю литература уже не нужна была на том отрезке... Кстати, даже его "Литургия" в православной церкви узаконена.

— Это — о прозе, а если говорить о поэтах-классиках?..

— Пушкин — прежде всех. А дальше по настроению. Мне очень близок Гумилев, я его дядей Колей называю: У него много кича, много самолюбования, гордыни... Но нравится! Конечно же его жена замечательная. Но мне больше нравится Цветаева — отточенный ритм, такой чеканный метр... Ахматова более женственная.

— А мне кажется наоборот — Ахматова жестче.

— Она жестче по жизни. А по слову — Цветаева. Ну что значит жестче? Я имею в виду — электричной, четче. У нее чеканный слог. Вот почему Пушкин — вершина? Потому что невероятная легкость! Мы вот — современные — метафорой свое бессловие цветом. Это как началось от символизма, так и продолжается до сих пор. Очень сильно отличался в этом плане Высоцкий. Я его очень ценю как поэта.

— Получается, что книжная поэзия где-то на Симонове оборвалась...

— Жди меня, и я вернусь — конечно, Симонову можно все простить за эти строчки.

— Так что же случилось?

— Понимаете, семидесят лет у нас пытались каленым железом выжечь понятие о душе. И мы получились люди без корней — в понима-

нии духа, в понимании православия. Это же великий труд — вернуться к Церкви. Ведь с Богом все дела хороши. А книжные литераторы, видимо, без Него пытаются. Рокеры пусть стихийно, но все же цепляются за искру Божью. А если не стихийно, так это подвиг получается, потому что так сложно свою брэнность, свою леность ломать — ой-ой-ой!

— Я вот человек верующий, но некрещеная пока...

— Да как же?! Вы не можете говорить, что вы человек глубоко верующий, если вы некрещеная.

— Мне что-то мешает. Сомнений много...

— Но... Впрочем, я не имею права объяснять!

— Если поэт не будет говорить, кто же тогда скажет из мирских людей?..

— Да все очень просто. Православие говорит

Курьент. — 1996. — 22 мая. — с. 8.

КИНЧЕВ СЧИТАЕТ СЕБЯ ПОЖИЛЫМ, А БЕЛИНСКОГО — ГЛУПЫМ

И верит, что рокеры стихийно цепляются за искру Божью

о том, что жизнь человеку дается один раз. И Господь любит людей настолько, что дает им еще и свободу выбора, понимаете? А то, что говорят о чистилище... Да не существует никакого чистилища! Существует или жизнь вечная, то есть рай, или небытие, то есть ад. А говорить: "Я люблю Господа" — и при этом не соблюдать его закон — это все равно, что говорить: "Я не люблю Господа". Потому что Он — Творец всего сущего, за это одно мы должны быть Ему благодарны, как говорится, по гроб жизни.

— Один мой знакомый не был на ваших концертах несколько лет. А недавно он попал и потом изумленно рассказывал: "Кинчев невероятно изменился — он обрел мудрость".

— Без Церкви — я просто наблюдаю своих сверстников, — без ясности люди моего возраста превращаются в жалких созданий. Это так трагично, так печально... Поэтому если душа работает, то она неминуемо к Богу придет. Если нет... Поэтому православие никого и не тянет. Чем православие круто? Тем, что это великая апостольская Церковь, которую основал Иисус Христос, Бог наш. И ни на миллиметр она не подвинулась, эта Церковь. То есть она соблюдает оставленный Господом закон, который развили апостолы, Его ученики, через чьи уста в принципе Он говорил. Сейчас практически только Русь и соблюдает этот канон апостольский. Ну и еще греки, ортодоксы. Все остальные европейские церкви начали приспособливаться, подстраиваться. Гордыня католиков привела в X веке к расколу христианства. И что потом? У них началась инквизиция, пошел жуткий геноцид — всех просто насильно заставляли верить в Господа. Если есть сомнение, то пытки, как при Сталине, и потом смерть на костре. После этого как можно говорить, что человек — папа римский — наместник Бога на земле?! И еще — взгляните в лики православные и католические. В католических ликах человек виден, а православные иконы — это на человека не похоже, это что-то другое. Это ангелы. И на православном кресте

Христос обнимает весь мир, а на католическом — просто страдающий человек, которому плохо.

— Так что же делать в этой жизни?

— Стремиться к спасению. Что еще важнее может быть? Ничего. Спасать собственную убогую душу, делать ее Богу угодной — если можно.

— Вам удастся?

— Это великий труд. У меня сейчас приятель в семинарии учится, и я слушаю магнитофонные записи лекций. И я услышал великую вещь: "Если мы стоим — мы уже падаем вниз". Понимаете? Ежесекундная работа духа, смирение... Мне тяжело будет этого достичь, ибо я славу приобрел. И богатому очень тяжело. В Писании же было показано, как пришел человек, искренне желающий пойти за Господом. А

Он ему говорит — оставь все и пошли со Мной. И тот раз — и тормознулся. Поэтому и были произнесены слова: "Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко..." В этом-то смысле мне легче, но я славы хапнул. Она не нужна мне. Но она есть...

— Честно говоря, мне непонятно отношение Церкви к искусству...

— Искусство? "Искус творящий"! Это бесовское занятие. Надо быть естественно творящим, быть таким, какой ты есть, и ничего не придумывать.

— А поэзия?

— Поэзия — это не искусство, просто человек иначе не может. Я книжку какого-нибудь поэта открываю, и мне становится тепло. У меня так не получается. А у них получалось без всяких вспомогательных средств. Мы-то шаманство подключаем, самую простую языческую тему... Если уж говорить о "кухне" коллектива, то основа рока — это барабаны и бас-гитара. Они создают фундамент. На базе этого фундамента появляются гитары, это уже распеивание. И потом — лидер.

— А в творчестве что важнее?..

— Поиск. Важно не загонять себя в рамки жанра, быть необычным и непредсказуемым. А если ты говоришь: мы играем металл, или — мы играем экстремал, или — мы играем панк, или даже — мы играем рок-н-ролл... Это сразу как лошадиные шоры на глаза — и видишь только перед собой. Кризис жанра. Если ты — творческая единица, то важно говорить, что ты не знаешь, в каком стиле ты играешь. Важно твоё состояние души. Вот мы весь альбом "Черная метка" записывали в жутчайшем состоянии, ибо это как бы реквием на тему неправильного выхода за пределы бытия одного из нас... Знаете, чем мне нравится "Степной волк" Гессе? Мыслью: да, все мы — потенциальные самоубийцы. И даже без Бога это очень хорошая подстежка для того, чтобы жить. А с Богом — так просто смешно об этом думать...

Ольга ШАТО.